

ДЕДУШКИНЫ
МЕДАЛИ

«ПАРТИЗАНУ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ»

А. ЦЕССАРСКИЙ

ОПЕРАЦИЯ „МОСТ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1982

А. ЦЕССАРСКИЙ

ОПЕРАЦИЯ „МОСТ“

РИСУНКИ
Л.ХАЙЛОВА

В годы Великой Отечественной войны в тылу врага действовали партизанские отряды. Партизаны уничтожили тысячи железнодорожных и шоссейных мостов, около трёх тысяч танков и бронемашин, вывели из строя полтора миллиона вражеских солдат и офицеров.

Многие партизаны были награждены медалью «Партизану Отечественной войны».

В этой книжке рассказано об одной боевой операции небольшого партизанского отряда, действовавшего осенью 1941 года.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА-1982

ДЕДУШКИНЫ МЕДАЛИ

«ПАРТИЗАНУ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

— Товарищ командир, по вашему приказанию явился! — чётко отрапортовал разведчик Лебеденко. Как всегда, он был подтянут, кубанка лихо сдвинута набекрень, глаза весело блестя.

Командир отряда кивнул, жестом пригласил присесть. Ещё недавно учитель сельской школы, он никак не мог усвоить армейские обычаи и держался совсем не по-военному.

— Видите ли, какое дело, — начал командир, — соседний партизанский отряд просит помощи. Прибыл связной.

— Что ж, окажем помощь! — с готовностью отозвался Лебеденко.

— Выслушайте сначала. Связной рассказал — фашисты гонят на восток эшелоны с техникой, людьми...

— На Москву?

— Да, на Москву. Вот поэтому наши соседи и решили вывести из строя железнодорожную станцию. Но сил у них немного. А фашисты за какие-нибудь сорок минут подбросят туда подкрепление из города по железной дороге.

— Ясно, — обрадовался Лебеденко, — одновременно ударим по городу.

— Ударим! У фашистов там стрелковый полк, отведённый с фронта на отдых. А что у нас? Тридцать шесть винтовок и два пулемёта.

— Тогда отрезать город от станции!

— Вот именно, отрезать, — подтвердил командир. — Взорвать железнодорожный мост, который связывает город и станцию.

— Когда?

— Послезавтра на рассвете. В четыре ноль-ноль. Взрыв моста будет сигналом соседнему отряду на том берегу начать штурм станции. Понятно?

Лебедеико вскочил:

— Прикажете вести подрывников?

Командир покачал головой:

— Маленькой группе не справиться. Соседи выяснили обстановку. Вот донесение. — Он протянул тетрадный листок с чертежами моста, надел очки. — Мост охраняется. Смена караула каждые два часа. А вот караульное помещение. Там постоянно находится смена часовых, человек десять-двенадцать. И подмога у врага недалеко.

В землянке наступило молчание.

— Дробить силы нам нельзя, — продолжал командир. — А оставлять здесь обоз и раненых без надёжного прикрытия опасно.

— Значит, пойдём на операцию всем отрядом?..

— Другого выхода нет. — Командир стал рисовать на тетрадном листке. — Вот здесь, километрах в пяти от моста, в соснячке, переднем. Понаблюдаем. А к исходу ночи выйдем на мост.

Командир встал:

— Нужно разведать дорогу через село. Другим путём с обозом не пройти — вокруг болота. Возьмите двух ребят. Кого хотите?

— Гусейнова, кого же!

— Согласен, — сказал командир. — А вторым Фёдора.

— Новичка, что ли?

— Да, я его по школе помню. Паренёк с характером. А опыта наберётся. Проверите дорогу до самого села. Если всё спокойно, одного оставите у деда — нас встретить. Сами пойдёте дальше, к реке, выбирать место для стоянки. Балочку в соснячке знаете?

— А как же!

— Где-нибудь возле неё. Она через вырубку почти до моста тянется.

— Когда отправляться?

— Отряд через три с половиной часа должен двинуться, чтобы село затемно пройти. Так что отправляйтесь сейчас.

В РАЗВЕДКЕ

Небо затянуло тучами. Лес уныло шумит под осенним дождём. Трое в накидках гуськом идут по просеке. Под ногами хлюпает, чавкает. Ни зги не видно.

Идущий впереди резко останавливается.

— Лебеденко! Ты что?

— Тихо!

Все трое замирают. Впереди, над самой землёй, дрожит пятно света, вот оно медленно ползёт в одну сторону, в другую...

— С просеки!—сдавленным голосом командует Лебеденко и тащит обоих за собой.

Они едва успевают заскочить за деревья, как вся просека

наполняется молочно-белым светом электрического фонаря. Теперь ясно видны и мокрая, обвислая листва, и серые корявые пни, и утопанная тропинка вдоль просеки.

Острый луч фонаря шарит по лесу, пробиваясь далеко в чащу. Наконец свет гаснет, и становится ещё темней, чем прежде.

— Дорогу смотрели, а? — говорит Гусейнов.

— Вроде, — не сразу откликается Лебедеenko.

— Интересно, кто это может быть? — чересчур весело спрашивает Фёдор. Но голос у него дрожит. Фёдору восемнадцать лет, и больше всего он боится показать, что ему страшно.

— Чего гадать? Посмотрим, — Лебедеenko выпрастывает из-под накидки винтовку. — Хлопцы, отсюда ни шагу! Я мигом! — и пропадает во мраке.

Шумит дождь. Фёдору мерещится: Лебеденко напоролся на фашистов, его схватили, их окружают...

— Гусейнов, что-нибудь слышишь?

— Дождь слышу. И ты слушай и молчи.

Дождь всё сильнее. Тонкая, холодная струйка течёт Фёдору за ворот. Он завидует Гусейнову, которому, наверное, никогда не бывает страшно.

Лебеденко возникает рядом внезапно.

— Как тут?

— Нормально, — отвечает Гусейнов. — Видел?

— Темно, не разглядеть. Вроде кто-то из местных...

— Что ему дорога далась? Подозрительно...

— Пошли к деду, дед должен знать.

На опушке леса не так темно. Впереди в селе мерцает жёлтый огонёк — это знак: дед ждёт.

У ДЕДА

Вот и дом. Лебеденко заглянул в окно, осторожно постучал. Через минуту тихонько запела дверь.

Они прошли через прохладные, пахнущие огуречным рассолом сени, вступили в тепло комнаты с уютно мигающей лучиной. Серый кот, выгибая спину, тёрся о ногу деда. И Фёдору показалось, что он пришёл домой, что нет войны...

— Сегодня днём к старосте приезжало фашистское начальство. Долго сидели запершись, — нарушил тишину дед.

— А в лес сейчас кто ходил, не заметил? — спросил Лебеденко.

— Староста! Я всё время за ним приглядывал... Как гитлеровцы уехали, он в лес побежал.

— Дорогу в лагерь смотрел... — Лебеденко секунду подумал. — Гусейнов, посторожи во дворе. Фёдор здесь останется. А я по селу пройду, послушаю.

Лебеденко с Гусейновым выходят. Фёдор пригрелся, его клонит в сон. Он таращит глаза, но комнату заволакивает розовым туманом...

Когда на крыльце загрохотало и взвизгнула дверь, Фёдор с ужасом понял, что заснул. Сколько он проспал?! На пороге — весь забрызганный грязью Лебеденко. Из-за его спины выглядывает Гусейнов.

— Фашисты входят в село! Машины, миномёты... Гусейнов, сейчас же с Фёдором в отряд! Доложи. Я остаюсь у деда, выяснить обстановку.

— Слушай, Лебеденко, Фёдор и без меня в лагерь добежит — дорога прямая. А ты тут один...

— Боец Гусейнов, выполняй приказ! — В сенях, придержав его за плечо, добавил: — Федю — вперёд! Прикроешь, если придётся. Федя, услышишь сзади стрельбу — не возвращайся. Гусейнов отобьётся. Главное — предупредить отряд. Ну, хлопцы, скорей! Пока фашисты село не оцепили и посты не выставили.

В ОТРЯД!

Но село уже было оцеплено. Гусейнов и Федя услышали немецкую речь перед самой опушкой.

— Ложись!—выдохнул Гусейнов.

Как назло, дождь перестал, показалась луна. Сталось светло и тихо. Гитлеровцы стояли редкой цепью, преграждая путь к лесу.

Гусейнов подполз к Фёдору.

— Смотри, вперёд смотри, канавку видишь? Ползи по ней в лес. Если заметят, стрелять станут, поднимайся, беги к лесу. Не бойся, ночью кто попадёт? В лесу на просеку выйдешь. И в лагерь! Давай!

В канавке была вода, и Фёдор сразу промок. Несколько раз, когда рядом раздавалась немецкая речь, лежал не дыша. Потом снова полз.

Канавка становилась всё мельче.

Вскочил, побежал к лесу.

В тот же миг сзади раздалось: «Хальт!»— «Стой!». — Его заметили. Раздался выстрел. Он оглянулся и в нерешительности замер.

— Федя, вперёд!—закричал Гусейнов.

Теперь фашисты обнаружили и его. Застрочили автоматы. Фёдор рванулся назад. Но Гусейнов, уже не таясь, отвлекая погоню на себя, бежал через поле:

— Федя, вперёд! Давай вперёд!—Он останавливался, стрелял в бегущую на него цепь, снова бежал и непрерывно кричал: — Беги, Федя! Беги!..

Фёдор бросился в лес. Последнее, что он услышал, — взрыв гранаты.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО — В БОЙ!

Когда, на ходу откликаясь постовым, Фёдор вбежал в лагерь, отряд уже занял походный порядок. Обоз — повозки с ранеными, с грузом взрывчатки и другой поклажей — вытянут вдоль просеки. Тлели затоптанные костры. Навстречу Фёдору шагнул командир.

— Что случилось?

И пока Фёдор докладывал, он стоял опустив голову, рассматривая что-то у себя под ногами. Командир молчал. Замерла колонна. Было слышно, как шипели угли в кострах.

Командир обвёл взглядом партизанский строй:

— Что будем делать, товарищи? Врагов раз в десять больше, чем нас. У них автоматы, пулемёты...

Кто-то из партизан несмело предложил:

— Отойти, пока не поздно, переждать...

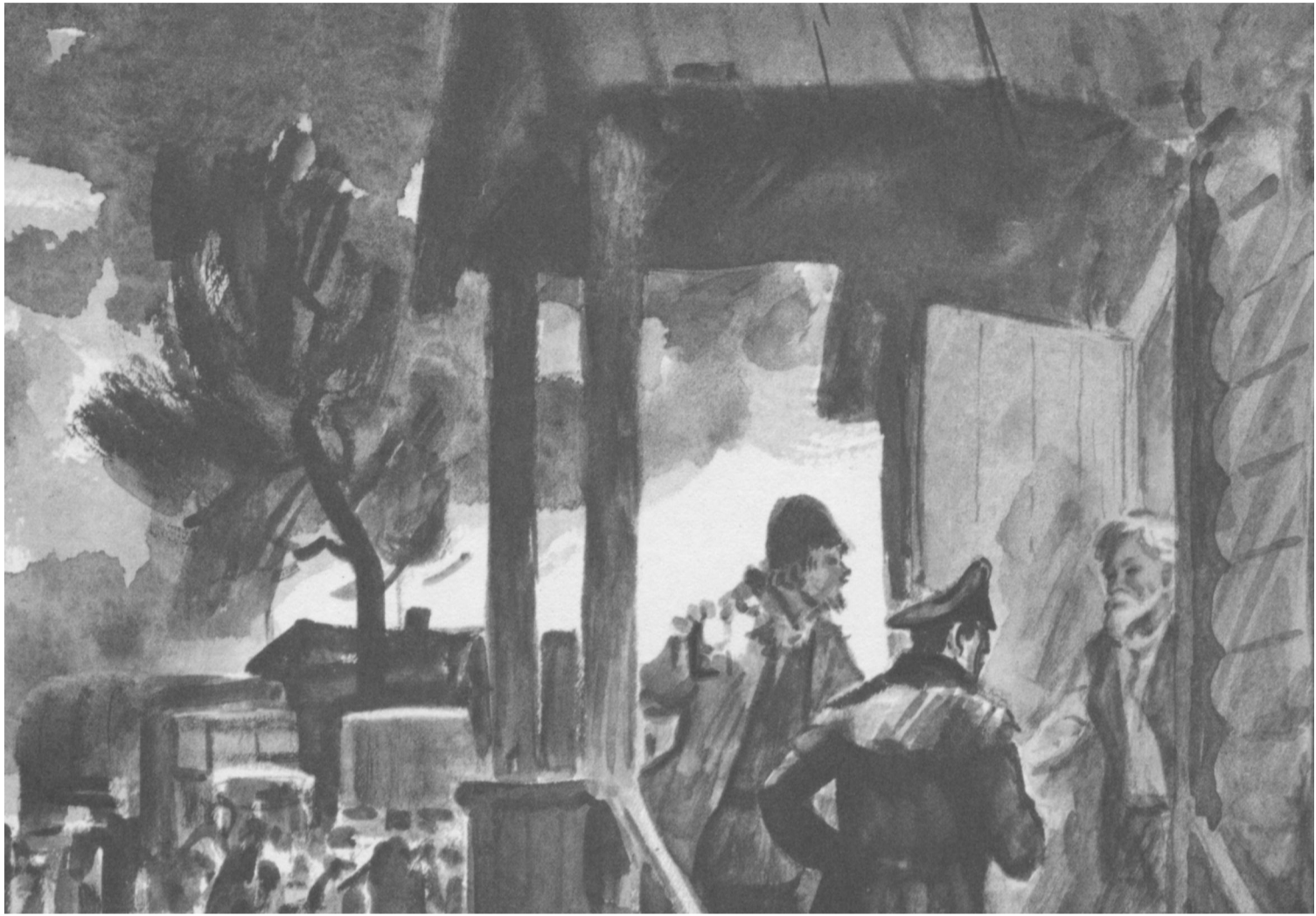
— И сообщить в соседний отряд, что мы отказываемся им помочь! Так? Или вообще ничего не сообщать! Просто уйти, удрать! Пусть эшелоны везут на Москву танки, орудия, снаряды! — Некоторое время стояла тишина. — Так что станем делать, товарищи? — повторил свой вопрос командир.

Теперь, перебивая друг друга, заговорили все:
— Прорываться! Идти на мост с боем!
— Нет, — сказал командир, — прорываться, значит, потерять людей и привести за собой на мост гитлеровцев...
— Но мост должен быть взорван!—воскликнул Фёдор.
— Верно. И в точно назначенное время. Решение одно: принять бой здесь, разбить противника. Только после этого идти на мост, пока враги не опомнятся.
Командир говорил тихо, точно размышлял вслух, но партизаны поняли — это приказ.

ЕЗДОВЫЕ

Лебеденко, приоткрыв дверь, прислушался к стрельбе на опушке леса, куда только что ушли Гусейнов и Фёдор.
Глухо ударила граната.
Дед перекрестился.
— Наша?
Лебеденко уверенно кивнул:
— Гусейнов бросил.
Со стороны леса больше не доносилось ни звука.
— Только бы парень прошёл.
— Должен!
Около дома раздался треск мотоцикла, послышалась немецкая речь.
— Лезь!—Дед поднял за кольцо крышку погреба.
Тут же в дверь забарабанили. Дед не торопясь зашаркал к двери.
— Егор! Где ты? Отворяй живо!
У входа стоял староста. Рядом с ним — гитлеровский офицер.
— Чего горло дерёшь? Не глухой!—ворчал дед.
— Не видел, кто сейчас к лесу побег? — Староста светил деду фонарём прямо в лицо.
Дед насмешливо улыбался:
— Я тебе не нанимался в сторожа!
— Ну, Егор, договоришься!
— Давно грозишься... Почитай, с гражданской...

— А теперь срок пришёл! Не видишь, что ли?! — Староста повёл фонарём в сторону площади, уже заполненной грузовиками, мотоциклами.

— Господин офицер всё про партизан знает, всё... И где лагерь, и сколько там людей.

— Ты доложил?

В это время офицер что-то раздражённо сказал, мешая русские и немецкие слова:

— Но, шнеллер, быстро, собирай все лошадей, все повозки!

— Слышал приказ? Собирай свою команду, и чтобы через пятнадцать минут все повозки были готовы! В лес солдат повезём! — Староста побежал вслед за офицером, но вдруг остановился, оглянулся на деда. — Чего стоишь? Бегом!

— Успеешь, — дед не спеша пошёл в дом.

— Куда?! — заорал староста.

— Куда, куда... Ватник надеть... Не молоденький. А в лесу поди сыро...

Дед не прикрыл за собой дверь и долго топтался на пороге, на глазах у старосты напяливал ватник, не попадая в рукава и ворча.

А в это время Лебеденко торопливо, шёпотом давал ему указания:

— Бери надёжных. Оружие — под сено. Я пойду следом за вами. Действовать будете по моей команде. Понял?

Дед пошёл собирать по селу ездовых. В колхозе до войны дед работал старшим конюхом. Ездовыми были такие же, как он, старики.

Скоро на площади собрался обоз. Фашистские солдаты грузили в повозки ящики с патронами, мешки со снаряжением.

Был четвёртый час утра, когда гитлеровцы вышли из села.

Староста поравнялся с повозкой, на которой сидел дед:

— То-то же! Служи, Егор, не обделю.

Дед на этот раз промолчал.

БОЙ В ЛЕСУ

Солнце поднялось над деревьями. Гитлеровцы, развернувшись цепью, медленно двигались к партизанскому лагерю.

Лес, пронизанный солнцем, казался таким мирным. А может быть, партизан здесь совсем нет? Может быть, староста ошибся?

Цепь остановилась. Офицеры стали совещаться. Один из них, сверяясь с картой, прошёл вперёд по еле заметной тропинке. Вдруг что-то щёлкнуло у него под ногами, раздался взрыв. Мина! Гитлеровцы открыли беспорядочный огонь по зарослям рыжего папоротника, по кустам орешника.

Партизаны не отвечали. И фашисты снова осторожно двинулись вперёд.

А партизаны совсем рядом. Прижимаясь к земле, они выжидают, чтобы враг подошёл вплотную, чтобы ударить наверняка. Фигуры в серо-зелёных шинелях всё ближе... Партизаны открыли огонь.

Гитлеровцы залегли. Началась перестрелка. Теперь парти-

знам только бы удержаться до темноты. В темноте, в лесу, партизаны вдесятеро сильнее противника!

Командир оставался в лагере. Он нарочно оставался здесь, на виду — спокойно сидел на пенёчке, прислушивался к звукам боя. Связные, приходившие в лагерь, раненые, после перевязки возвращающиеся в бой, передавали товарищам: «Командир на месте». И это вселяло уверенность: значит, всё в порядке.

Но вот связные стали приносить тревожные вести: патроны на исходе, несколько человек тяжело ранены, а фашисты жмут. Ползут, высматривая огневые точки. Бьют прицельно. Вскоре выстрелы слились в сплошной гул. Над лагерем завывали мины. Командир обернулся к связному:

— Передайте медсестре, чтобы повозки с ранеными переставили на другую сторону просеки, за деревья. Поскорее!

К середине дня становится ясно, что партизаны долго не продержатся. Теперь мины непрерывно воют над поляной, рвутся по всему лагерю.

К командиру подбегает боец:

— Товарищ командир, комвзвода просит помощь!

— Помочь нечем.

— Что передать, товарищ командир?

— Передайте, нужно продержаться ещё один час.

— Есть, продержаться час!—говорит боец и убегает.

Связной посмотрел на командира:

— А что будет через час?

— Через час начнёт темнеть...
Минуты тянутся, как часы. Последние патроны... Фашисты
всё ближе...

ЗА РОДИНУ!

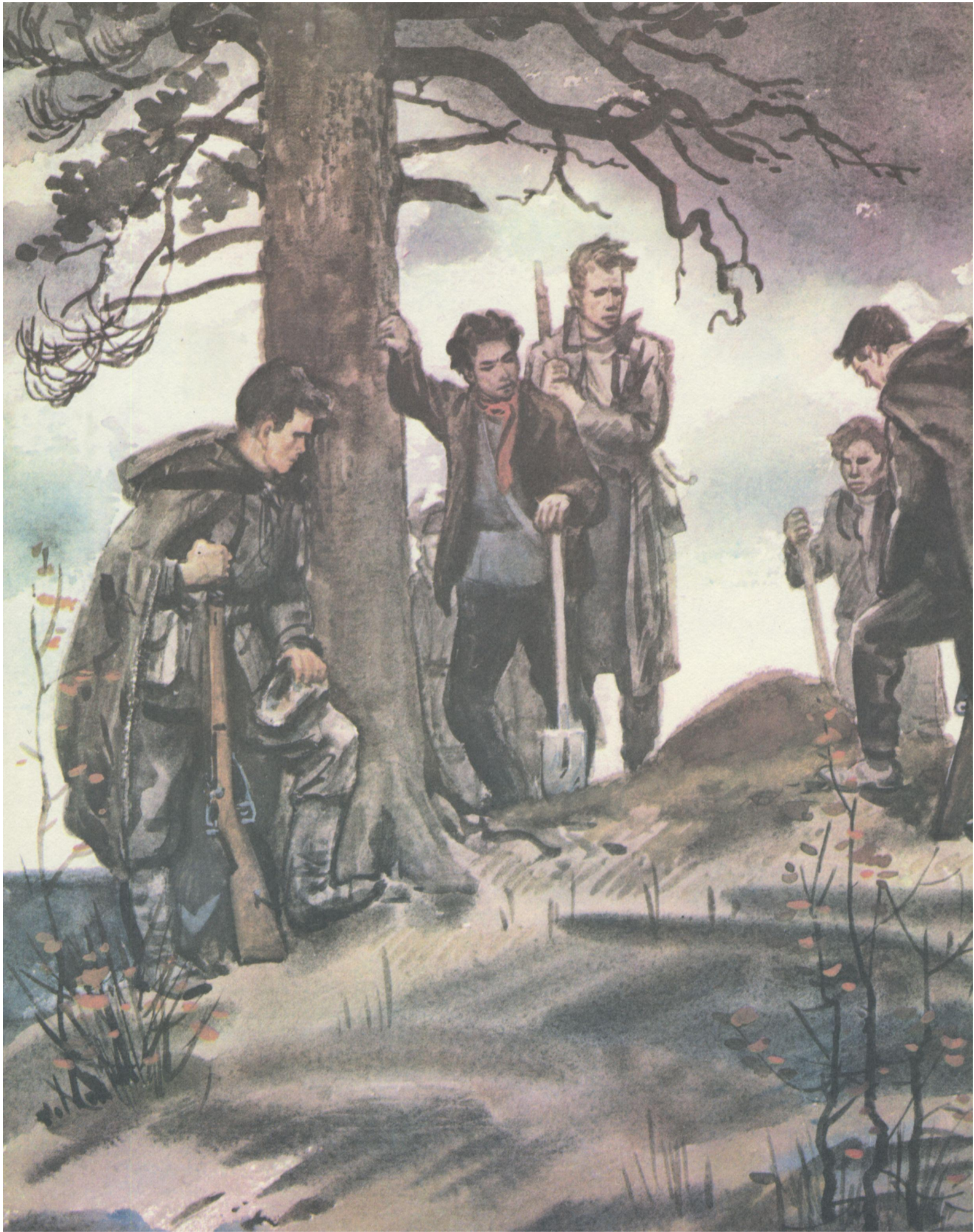
Только на исходе ночи Лебеденко сумел выбраться из села. Он пошёл не по просеке — там можно напороться на фашистов — а лесом. И сбился с пути. А когда начался лесной партизанский бой, в котором подчас не видишь врага, не знаешь, где он — впереди или сзади, Лебеденко совсем запутался. Где

свои? Где враги? Выстрелы гремели по всему лесу. Он бросался в одну сторону, в другую...

Лебеденко уже совсем отчаялся, когда, наконец, увидел за деревьями на поляне командный пункт фашистов, мотоцикл, батарею миномётов, повозки ездовых... Старики ждали его команды!

Дед Егор решил уже действовать сам. Ждать больше нельзя. Было ясно, что партизанам не сдержать натиск, они отступали к лагерю. Фашистская батарея прекратила огонь, чтобы не попасть по своим, вот-вот они ворвутся в лагерь... И в этот момент дед Егор почувствовал: кто-то дёргает его за ногу. Глянул вниз — Лебеденко!

— Давай, дед!

Дед Егор поднял руку. Один за другим поднимали руки ездовые, передавая сигнал с повозки на повозку...

Фашистский офицер, сидевший в коляске мотоцикла, смеясь, что-то сказал другому офицеру, складывавшему карту. Выбрался из коляски. Прошёлся, чтобы размять ноги. Огляделся по сторонам... И замер. Старики, только что неподвижно сидевшие на козлах повозок, один за другим соскакивали на землю. В руках у каждого — винтовка. Черноволосый парень в кубанке с красной лентой швырнул гранату:

— За Родину!

И гитлеровцы побежали.

Лебеденко кричал:

— Вперёд! Огонь! Не дать им опомниться!

Старики стреляли по фашистам, и над лесом звенело:

— Ура-а! Ура-а!

...Партизанский отряд скорым маршем приближался к селу. Фёдор шагал рядом с последней повозкой — на ней везли Гусейнова. Его обнаружили на самой опушке. Пуля ударила в висок.

У околицы остановились. Под высокой сосной стали рыть могилу. Кто-то сказал, что хорошо бы дождаться Лебеденко, ведь они с Гусейновым друзья. Но Лебеденко ушёл дальше, к реке, а времени осталось в обрез. Фёдор только теперь понял, что Гусейнова нет. И никогда не будет. И он заплакал в голос, как плачут дети.

Потом кто-то подошёл, взял его за плечо: «Пошли, Федя, отряд догонять»...

УТРОМ

Партизаны вышли к реке. Вдалеке, высоко над землёй, что-то неясно чернело.

Мост!

Будто из-под земли возник Лебеденко.

— Товарищ командир, на мосту всё по-прежнему, охрана не увеличена. В караулке тихо: видно, спят фрицы.

— Пора. Значит, как договорились, людей на мост поведу я.

После взрыва моста за рекой нам отсигналят зелёной ракетой. Это будет началом штурма станции.

Командир ещё раз оглядел тех, с кем предстояло идти. Впереди — маленькая группа разведчиков. Они должны снять часовых на мосту. Затем группа боевиков — их задача окружить караулку. Затем группа охраны, которая будет прикрывать минирование. И наконец, подрывники.

НА МОСТУ

Шли медленно. То и дело останавливались, слушали. Последние метры — ползком.

Под мостом сгрудились, притаились. Тишина вокруг предутренняя, глухая. Командир трогает за плечо Лебеденко. Тот кивает и исчезает, за ним — трое разведчиков.

Вот они уже у въезда на мост. Вдруг у кого-то из-под сапога выскочил камешек и с оглушительным шорохом покатился под откос. Партизаны замерли. Услышит часовой? Не услышал.

— Кто первый?

— Я, — ответил Порядин, паренёк с рыжими волосами.

Он всегда вызывается первым.

— Двигай, Ваня, — шепчет Лебеденко. — Только не дай часовому просигналить.

И Ваня пополз, быстро и бесшумно, как умел только он один.

Что он делает?! Размахнувшись, швыряет что-то в реку. Раздался всплеск.

Из будки показался часовой. Озирается по сторонам, подходит к перилам, вглядываясь в чёрную воду. Тенью метнулся к нему Порядин. Короткий удар — и гитлеровец безжизненно повис на перилах. Теперь можно и остальным разведчикам на мост.

Только добрались до будки, под ногами у них зазвенело, загудело... С запада шёл эшелон!

В будке задрезжал звонок. Телефон! Перед проходом поезда часовые перезваниваются? Что делать?

Лебеде́нко сорвал трубку, закрыл её ладонью:

— Ваня, к той будке! Я буду держать его на проводе! — приложил трубку к уху. Послышались немецкие слова. Лебеде́нко произнёс что-то невнятное, стал дуть в трубку, стучать по мембране, то и дело прикрывая её рукой.

— Шилков, к командиру, пусть «зажмут» караулку! Папаша, веди подрывников! — и снова стучал и дул в трубку: нужно было выиграть секунды!

Голос в трубке смолк, значит, Ваня добежал до часового. Не нужна ли ему помощь? Но в это время со стороны караулки донеслось «ауф», «ауф» — тревога! Поднялась стрельба и тут же стихла. Партизаны-боевики, видимо, свою задачу выполнили.

Шум поезда нарастал. По мосту врассыпную бежали подрывники, каждый — к назначенному месту. Появился командир. Молча стоит над ними, наблюдает, как они отрывают доски, укладывают под них взрывчатку. Самое ответственное — так пропустить шнур от взрывателей, чтобы при рывке за что-нибудь не зацепился.

И командир, наклоняясь, прощупывает рукой каждый шнур, свисающий сквозь переплёты моста.

Поезд вывернул из-за рожицы и пошёл по прямой, тяжело грохоча на стыках. Оглушительный свисток. Уже видна белая струя пара над паровозом.

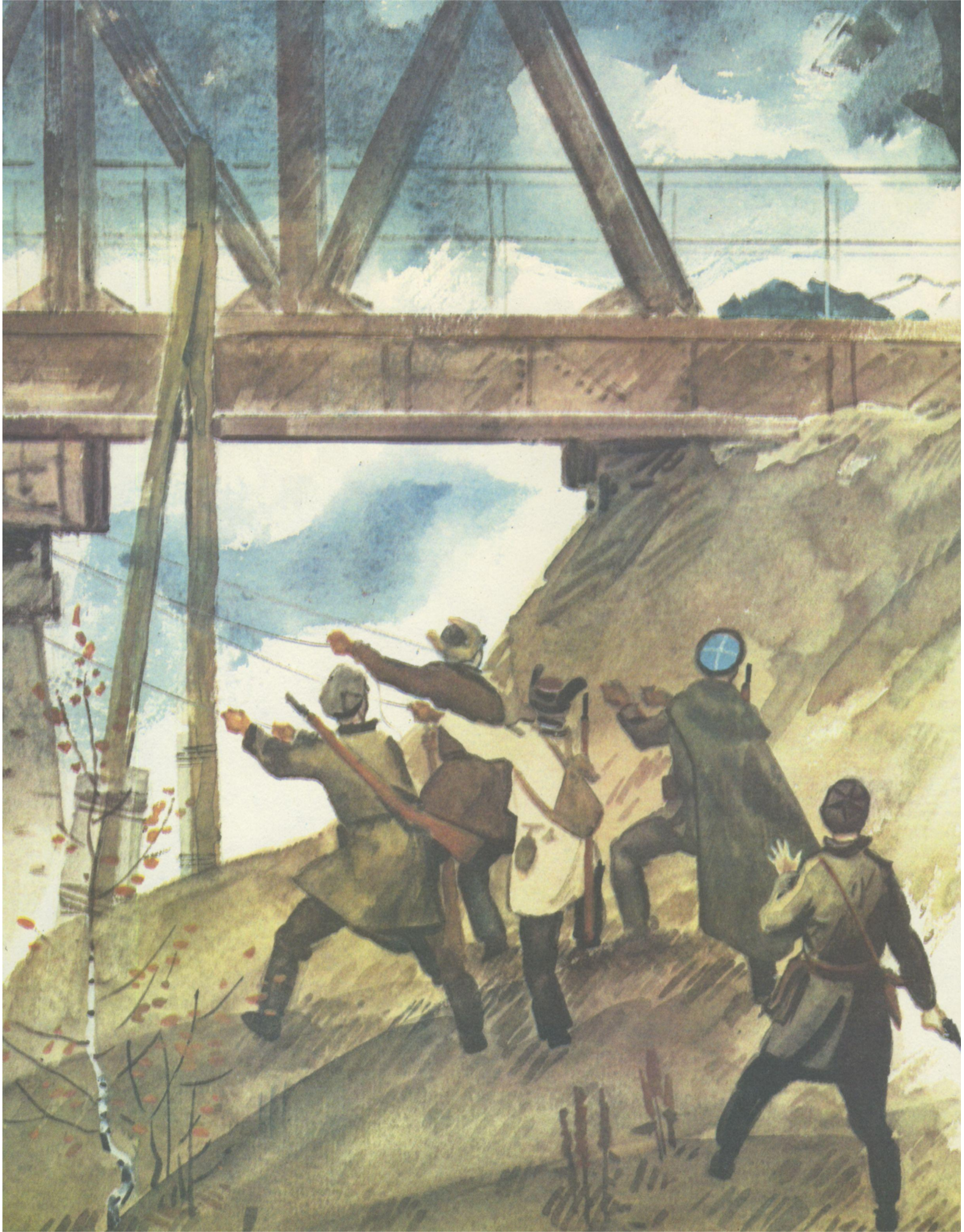
— Вставить запалы, всем с моста! — приказал командир.

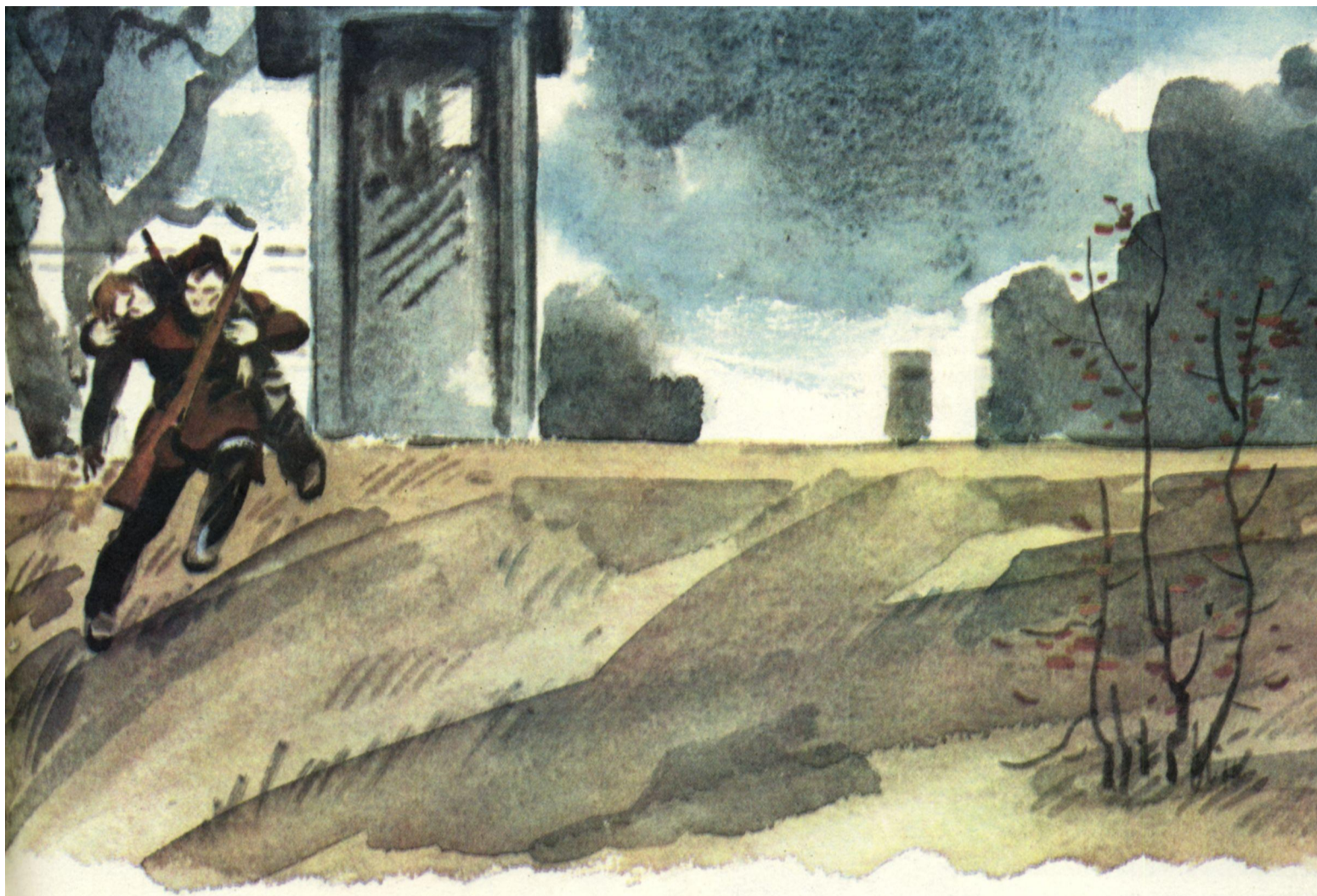
Подрывники бросаются к своим шнурам, замирают.

— Лебеде́нко, ведите людей в балку, ждите! — командир не отводит взгляда от приближающегося состава.

И тут вдруг Папаша говорит:

— А Порядин где, братцы?

Папашей этого разведчика прозвали за «преклонный» возраст— тридцать лет. Он был самый старый в разведке. Папаша казался грузным и неповоротливым. А на самом деле был быстр и ловок. И ни при каких обстоятельствах не терял спокойствия.

Папаша неожиданно быстро и легко взбежал на мост. Было слышно, как гулко гремит настил под его сапогами...

А поезд уже близко. Стучат колёса. Теперь, кроме этого грохота, ничего не слышно. Заметит или не заметит Папашу машинист? Партизаны прижались к земле, застыли: никто не спускается в балку.

И вот эшелон на мосту! Подрывники не сводят глаз с командира: на мосту двое своих!

...Через перила моста перевалился Папаша. Он бежал тяжело: нёс на плече раненого товарища.

Командир махнул рукой подрывникам — ударил многократный гром. Тяжёлый состав толкает паровоз к пролomu. И уже

не грохот, а скрежет, визг, вой разрываемого железа стоит над рекой.

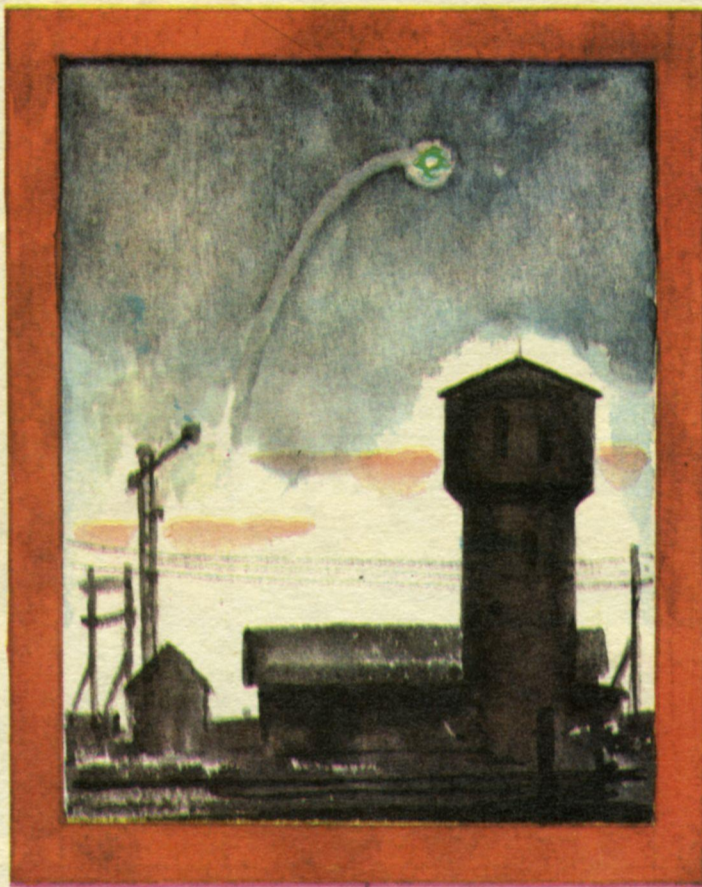
Из задних вагонов выскакивают гитлеровские солдаты, кричат, беспорядочно стреляют...

Партизаны уходят по дну балки, поддерживая раненых. Высокое небо над ними бледно розовеет. Вспыхивает и повисает зелёный огонёк ракеты. За рекой начинается бой за железнодорожную станцию.

35 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Альберт Вениаминович Цессарский

ОПЕРАЦИЯ «МОСТ»

Художник Л. Хайлов

ИБ № 1100

Редактор Н. Сендерова. Художественный редактор О. Ведерников. Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Шадрина. Сдано в набор 31.06.81. Подписано в печать 11.11.82. 60×90^{1/8}. Бум. офс. № 1. Гарнитура журнальная. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,0. Уч.-изд. л. 4,18. Тираж 100 000 экз. Изд. № 1184. Заказ № 1179. Цена 35 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ц 4803010102—009 9—82
M102(03)—82

© Издательство «Малыш» 1982